

ПОРОСЛЬ

Ирина Сергеевна Родионова родилась в Новотроицке Оренбургской области. Окончила Оренбургский государственный университет. Работала учителем русского языка и литературы в родной школе и психологом в развивающем центре. Печаталась в журналах «Гостинный Дворъ», «Бельские просторы», «Лёд и пламень» и др. Участница Всероссийских литературных фестивалей, совещаний молодых литераторов в Самаре, Казани, Уфе, Оренбурге, Химках. Победитель ежегодного областного конкурса «Золотая молодёжь Оренбуржья» в номинации «Творческая молодёжь» (2019). Обладатель специальной премии в рамках областной литературной премии им. С.Т. Аксакова. Живёт в Новотроицке.

ГЛАВА 7 Илья

Илья лежал на продавленном диване — и с этих слов можно было начать любой день мальчика, любой миг его серой жизни и любую минуту в будущем. Илья лежал, скрестив причудливо изломанные руки, словно их покорёжило порывами ветра, и молчал, глядя в окно.

По дивану прыгали солнечные зайчики — свет лился сквозь запылённые стёкла, даря тепло одному Илье. Лицо у него дрогнуло, он попытался улыбнуться — как в калейдоскопе, когда стоит только тряхнуть цилиндр, и из камешков внутри возникает новая картинка.

Когда-то давным-давно Аяна прижимала калейдоскоп к глазам Ильи, показывала брату искусные узоры, и он улыбался, пускал пузыри. Сестра тоже улыбалась, но как-то криво.

* (Окончание. Начало в журнале «Гостинный Дворъ» № 18 и № 19)

— Собирайся, — старшая, как обычно, подгоняла Лидку, морщила накрашенное лицо. Одуловатая Лидка сновала по комнате, разыскивая свои вещи. Санёк лежал на спине, почёсывая живот, щурился на солнце, словно сытый кот.

— Живее, — суетилась Аяна. Взгляд её упал на распластавшегося Санька и мигом налился свинцом. — Я не поняла, тебе что, отдельное приглашение надо?!

— Ага, — нахально подтвердил тот.

Аяна пнула его ногой.

Лидка, натянув мешковатые брюки и широкую блузку, уже убежала в коридор и оттуда с интересом поглядывала на препирательства брата и сестры.

Ничего не менялось. Каждое утро — одно и то же, одно и то же...

Схватив Санька за ногу, Аяна потащила его с дивана, брат пнул наугад, ударил ногой воздух, но сестра оказалась проворнее. Распрямылась, сдувая короткие волосы с глаз, и предложила хищно:

— Или ты сам встаёшь и собираешься, или я притащу с кухни ведро с водой и вылью на тебя.

— Попробуй, — угрожающе рыкнул Санёк, но всё-таки встал.

— И только завалите мне экзамены, вышвырну вас из дома! — горячилась Аяна, натягивая короткую чёрную юбку и бледно-розовую блузку с потайными кармашками, в которых девушка наловчилась прятать шпаргалки.

— Не имеешь права нас выгонять, — глубокомысленно изрёк Санёк, надевая футболку и грязноватые брюки, в которых вчера до полуночи играл в футбол. — Мы здесь прописаны.

— Вот таким же умненьким и будь в школе, — Аяна отвернулась и не заметила красноречивый жест, который адресовал ей Сашка.

Илья лежал — ему, быть может, тоже хотелось такой вот суеты, сборов в школу перед экзаменами. Лидка с Аяной пойдут сейчас драть цветы с клумбы, потому что даже на дешёвые астры нет денег, но Илья ничего этого не понимал. В его голове царили глухое спокойствие и пустота — кажется, что крикни в уши, и эхо ударит в ответ.

Илья не понимал человеческую речь. Он только чувствовал настроения: вот злится Аяна, и сам мальчик сжимается, зная, что прикосновения её будут грубыми и резкими. Вот Лидка смеётся весело, сгибает и разгибает ему скрюченные болезнью ноги, а Илья мычит от восторга, ощущая, как извечная его подруга, боль, отступает ненадолго. Вот Сашкина ненависть — самая разрушительная. Брат пинает Илью с досадой, словно какой-нибудь табурет, срывает злобу, и Илья стонет, не в силах дать отпор. Но он любит их — любит их голоса, постоянный неразличимый гул, их снующие силуэты, их жизнь, их близость. Когда они уходят, всегда становится грустно.

Хлопает дверь. Аяна бранится уже там, в подъезде, а маленький Петька, пошатываясь, встаёт и крепко хватается ручками за край дивана. Смотрит Илье в лицо и отшатывается резко. Ревёт.

Илья улыбается ему, выдувает пузыри из слюны.

Он любит и крикливого Петьку.

Чуть позже просыпается мама — мама Илья любит больше всех. И её прохладные руки, и убаюкивающий голос, и даже кислый непонятный запах. Мама хватается за руки Петьку, говорит ему что-то, качая, и уносит прочь из комнаты. Петька плачет из коридора. Илья остаётся совсем один, но ему не привыкать. Привычно ноют руки и ноги, будто схваченные судорогой, привычно долбит сосед за стеной, делая ремонт, привычно скрипит старенький диван, когда Илья шевелится или чуть переворачивается на бок.

Мама приходит, когда солнце убегает куда-то под потолок, и теперь в комнате царит ровный золотистый свет. Мать распахивает скрипучую раму, впуская внутрь немного детского смеха и весенний прогретый воздух, смотрит туда, на улицу, сторбленная и бледная.

Поворачивается к Илье. Улыбается вымученно.

— Илюшка мой маленький, как ночь прошла? Что снилось тебе сегодня, сыночек? — она садится на диван, и тот скрипит пружинами, словно старый друг. Мамина ладонь ложится на высокий лоб Ильи, гладит кругами, успокаивает, и он тянется за её

ладонью, мычит что-то бессвязно, улыбается...

Мама разминает руки и ноги — начинает от пальцев, идёт вверх, разворачивает и крутит сына, словно куклу. Он поддается её нетвёрдым и смазанным движениям, наслаждается звуком её голоса, её редкой лаской.

В комнату приползает Петька, ревёт на полу обиженно, ревнивый, что ему не достаётся материнской любви, и мама поднимает его на диван, усаживает рядом с Ильёй.

— Вот, Петь. Твой старший брат.

Петя смотрит Илье в лицо с интересом, а потом несмело тянется ручкой и хватается брата за нос. Илья протягивает руку к братику, но, не рассчитав в очередной раз, ударяет того по лицу. Беззлобно ударяет, слабо, случайно... Петька морщится, но не плачет. Ползёт к маме.

Потом мама уходит — уносит с собой брата, гремит чем-то на кухне.

Илья лежит на животе, прислушивается к звукам с улицы, смотрит на кружащиеся в воздухе пылинки.

Сейчас ему так хорошо... Очень хорошо, как редко когда бывает. В теле не ноет больше боль, руки и ноги, хоть и скрюченные, лежат спокойно, а на коже остаётся тепло маминых прикосновений.

Молчит. Лежит. Слушает.

В коридоре мама медленно пятится спиной вперёд, держит за руки Петьку — тот повисает на

её руках, плачет, не желая учиться ходить, но мама непреклонна. Она снова ставит его на худые ножки и идёт медленно, ведёт сына за собой.

Илья, скосив глаза, наблюдает за ними. Мычит что-то, не зная, почему они так странно двигаются.

Красного и зарёванного Петьку мама приносит через час — усаживает на диван, щёлкает по носу и уходит. Что-то льётся в маминую комнату, звенит, и в детскую ползёт едкий запах...

Когда солнечный свет белеет, домой возвращается Аяна — заглядывает к матери в комнату, брезгливо морщит нос, ощутив кислый перегар, и отступает в тень коридора.

— Сдала? — спрашивает мать сурово, но неразборчиво.

— Сдала, — кивает Аяна. — Нормально сдала.

— А мелкие?

— Лидка написала, говорит, что на тройку наскребла. Сашку не видела.

— А Марусю? — спрашивает вдруг мама.

Аяна каменеет.

Машку Илья не помнил — после того, как она неожиданно исчезла из комнаты, он порой замечал: что-то идёт не так, пропала ещё одна тень, нет больше смеха, голоса... Машка часто разговаривала с Ильёй, считала, что ему это помогает, а он просто вслушивался в её неунывающий весёлый голос и парил в своих тяжёлых облаках.

О Машке он забыл очень быстро. И сейчас, услышав мамин вопрос, услышав слово «Маруся», Илья остался бесстрастным, ничего в мальчишке даже не кольнуло. Он не понимал.

— Мам, — Аяна поскребла ногтями дверной косяк, не глядя на женщину. — Ты забыла, да?

— Что забыла? — хихикнула она и выпила ещё немного из стакана.

— Что Машка покончила с собой, — глухо и хлётко сказала Аяна. — Ещё осенью. Бросилась под поезд. Ты не помнишь?..

Мамино лицо вдруг разом постарело, осунулось. Она отвела глаза, сцепив пальцы замком, помолчала. Аяна ждала её реакции.

— А, — выдавила мать. — Понятно.

— Понятно, — кивнула Аяна и ушла в детскую, прикрыв за собой дверь. Руки у неё дрожали.

Илья не видел всего этого, ничего не понял; он наслаждался весной, хоть и нарастала боль в теле, но мамыны прикосновения — самое верное лекарство от любой боли и любой тоски.

— Как вы тут, мальчишки? — хрипло спросила Аяна, взлохматив волосы Петьке и, приблизившись, чмокнула Илью в лоб. Глаза у неё помертвели, говорила сестра будто бы по привычке, механически. Мыслями была далеко.

Мать содрала зажившую корку с раны.

Илья застыл, не двигаясь. Тёплые мягкие губы, невесомое

прикосновение, запах горьковатых духов... Мальчик заботливо сохранял в своей памяти каждое касание, каждое ласковое слово — они оставались в нём образами, отсветами чувств, мгновениями тепла...

— Ну что, Пётр? — Аяна взяла младшего братика на руки, закрихтев от мнимой тяжести, и он рассмеялся задорно, обвивая ручонками её шею. — Я из тебя сделаю нормального человека. Будем учиться ходить?

Петька разревелся.

Уже к вечеру Аяна, то ли расцедрившись, то ли просто радуясь окончанию экзаменов, вытащила из шкафа ржавеющую и дребезжащую детскую коляску, спустила её во двор. Вернулась домой, одела Петьку в футболку и шорты, облачила Илью в похожий наряд...

Первым она вынесла на свет божий Илью — тот, бывший на улице в последний раз глубокой зимой, молчал заворожённо, не веря, что может снова смотреть на далёкое голубое небо, людей, дома, деревья... Он очень любил гулять, но никто в доме не хотел заморачиваться с его прогулками.

Аяна, согнувшись, аккуратно устроила тяжеленного брата в скрипучей колеснице, подложила ему под голову подушку, чтобы мальчику было лучше видно. Пошла обратно, за Петькой.

Илья лежал и улыбался — улыбка сама собой возникла на его сероватом лице. Какой же

чудесный день! Мамины руки, скрипучая коляска, поцелуй Аяны... Каждая такая мелочь оставляла огромный след в его серой жизни.

Сестра вернулась — усадила Петьку в ноги Илье, поправила козырёк коляски, ногой сбила ручной тормоз и покатила её по улице, покачивая в такт собственным шагам.

— Да, ребят, вы сейчас — главные мои мужчины. Есть ещё Сашка, конечно, но от этого дебила никакой пользы, одни сплошные проблемы...

Мимо мелькали дома, и в каждый из них Илья всматривался с особым удовольствием — рот мальчика открылся, по подбородку потекла слюна. Аяна остановилась и вытерла её ладонью.

— Про Пашку и вспоминать не будем... А после него все уроды какие-то были. Что, Петь, говоришь? Вырастешь и морды им набьёшь? Мой защитник! Агу-агу! — она наклонилась, щекоча Петьку, и тот захохотал, довольный.

В последнее время Аяна проводила с мальчишками всё больше и больше времени — читала Петьке книжки, пыталась научить его простым словам, заставляла ходить, держа за руки. И Петька менялся понемногу, ползал по квартире, пытался сам вставать, балансируя на слабых ножках, больше смеялся и чаще бормотал «няняна». Аяна улыбалась.

— Вот так и живём, — она катила коляску, разглядывала

попадающиеся на пути машины.
— Ни мужиков тебе, ни любви...
Зато я экзамены сдала. Остался последний, потом заберу аттестат и поеду в город, к Виктории. Вы её и не помните уже, наверное, она давно уехала. Петь, ты тогда родился уже или нет?

Над ними проплыл тополь в клейких зелёных листочках — Илья зацепился взглядом за его ветки и принялся размахивать своими бесполезными руками, привлекая внимание Аяны.

— Что такое? Больно? — она остановила коляску, всмотрелась в его лицо.

Илья мычал, руки припадочно дёргались из стороны в сторону. Петька вывернул голову, разглядывая, что там вытворяет старший брат.

— Я не понимаю, Илюш... — почти с отчаянием выдавила Аяна, оглядываясь по сторонам. Серый асфальт, киоск с табаком, тополя и резной заборчик.

Илья всё мычал.

— Мороженое? Сок? Пить? Ремни тянут? Сигарету? Или листочки?.. — безнадежно перебирала девушка, зная, что Илья всё равно не подскажет. Потянувшись, она наугад сорвала ветку с дерева и сунула её брату. — Пойдёт?

Илья сжал ветвь в ладони, ощущая тепло древесины и сочные листья, зажмурился. Солнце согревало бледные щёки, облизывало костлявые ноги, ласкало сладковатым ветром волосы.

— Буду парикмахером, — продолжала Аяна, достав из пачки сигарету и прикурив. Петька мигом закашлялся от дыма, замахал пухлыми ручонками перед лицом. — Стрижки там всякие... Выгучусь, как Виктория, и наконец-то стану зарабатывать. Не знаю, правда, как вы тут без меня...

Аяна замолчала, случайно выболтав братьям главный свой страх. Выпустила дым из лёгких, качнула коляску, глядя на мальчишек. Петька оторвал от ветки брата несколько листочков и теперь, довольный, жевал их. Илья смотрел в небо — в светлых и пустых глазах его отражалась голубая безмятежность.

Встречные прохожие хмуро косились на Аяну, лохматый рыжий Петькин чуб и длинные ноги-руки больного Ильи, округляли глаза и тут же отводили их в сторону. Она улыбалась им, чтобы они не увидели в её глазах беспокойства, липкого страха. Аяна продолжала рассказывать, понимая, что публика у неё сегодня безответная:

— Кто за вами присматривать будет? Кормить, памперсы менять, привозить их из соцзащиты? — она остановилась, аккуратно спуская коляску с бордюра, и та заскрипела жалобно. — Лидка? Она сама ещё ребёнок, глупая. Сашке я и трусы свои не доверю. Мать всё больше пьёт... Прямо хоть с собой вас забирай, в общагу, учиться... Будете парикмахерами?

Петька протянул сестре оставшийся листочек, губы его потемнели от сока. Аяна улыбнулась брату, взяла подарок и положила его на язык.

И правда вкусно. Только горько.

Они гуляли, наслаждаясь погодой.

На детской площадке Аяна решила сделать остановку — заклинила коляску, вытащила оттуда Петьку, который беспокойно вертел головой по сторонам. Ему было интересно всё на свете: и разноцветные перекладины на турниках, и деревянное сиденье качелей на блестящих цепочках, и песочница, в которой копошились такие же малыши...

Аяна усадила брата на песок, вытерла ладонью ему нос, сунула в руки чью-то красную формочку. Постояла рядом, глядя, как Петька копается в песке. Он наконец-то начал походить на обычного мальчугана — любопытный, веселый. Здоровый. Она пыталась вытащить его из лап умственной отсталости. Научить хоть чему-то. Хоть как-то помочь.

Маленький Петька, почти что Аянин сын. Девушка по привычке прижала ладонь к низу живота, погладила осторожно, баюкая в себе старую боль, невысказанные страхи и нерождённого ребёнка...

В коляске замычал Илья. Аяна вернулась к нему, вытащила, разгибая тугие колени мальчика, и уложила на лавку. Присела рядом, пригладила ему волосы.

Тёплый ветерок играл с отросшими прядями. Надо бы подстричь брата.

— Илюшка... — произнесла громко. — Какие мы с тобой одинокие, Илюшка.

Илюшка замычал несогласно, выгнулся дугой, выронив из руки облезлую ветку, закричал. Аяна гладила его по голове и молчала.

Детская площадка жила какой-то своей, совершенно особенной и радостной жизнью: по мощёным дорожкам прогуливались молодые мамочки, покачивали элегантные и светлые коляски, носили своих пухлых и румяных карапузов на руках, смеялись, обсуждали что-то горячо и с наслаждением... На фоне ярких турников и чистеньких колясочек колесница Ильи с Петькой выглядела непрезентабельно — спицы заржавели, полог покрылся мелкими грязными пятнышками, правое колесо почти отвалилось. Коляска даже стоя умудрялась дребезжать.

Мамочки, проплывающие мимо, не скрывали своих взглядов — капелька отвращения, капелька любопытства, нездорового и первобытного, капелька... сочувствия? Взгляд готов. Потом они рассматривали Илью, похожего на сломанного солдатика, который, изогнувшись, лежал на лавке. Потом глядели на прыщавое Аянино лицо. И что-то понимали — отворачивались, делали вид, что этой маленькой семье не существует, словно наткнулись на

что-то зловонное или постыдное, неприличное...

Аяна давно привыкла к косым взглядам — гораздо хуже было, когда в скрюченное болезнью тело Ильи впились глазами и шептались, толкая друг друга локтями так, будто он был зверушкой, экспонатом в кунсткамере, и девушке тогда хотелось встать и ногтями впитаться в эти любопытные лица. Но она сидела, глядя на молодую зелёную листву, на безбрежное небо над головой, на улыбающегося Илью, и пыталась всей душой насладиться этим моментом.

— Илюшка, — повторяла она, зная, что брат любит слушать её голос. — Всё у нас будет хорошо. И маму выгасим, и тебя вырастим, и из Петьки человека сделаем... А знаешь почему?

Илья промычал что-то невнятно.

— Потому что я вас люблю, — прошептала Аяна и примолкла, попрозоров.

Она никогда и никому в семье не говорила о своей любви — конечно, бывали такие ситуации, что это слово использовалось вместо оружия, когда всё висело на волоске, когда катастрофа была неминуема, но никогда самую настоящую и искреннюю любовь Аяна в слова эти не вкладывала. А сейчас выдавила их из себя с трудом и замолчала, оглушённая новым чувством.

По небу плыли невесомые облака. Проносились мимо дети на

ярких велосипедах. Петька, наигравшись в песочнице, побрёл к тяжёлым качелям, на которых качались другие дети. Всё ещё улыбался Илья.

— Э-э-э, Пётр, иди сюда! — загрохотала Аяна, в последний момент увидев, как Петька подполз и вытянул бледную ладошку, пытаясь ухватить медленно раскачивающееся из стороны в сторону сиденье с пухлой розовощёкой девочкой на нём.

Вскоре он, ревущий от несправедливости, был возвращён в коляску, где уже лежал больной брат.

Наверное, Аяна просто переживала из-за надвигающейся разлуки. Колледж, новый город, она ведь по сути бросает их, ещё маленьких и беспомощных, едет в свою счастливую жизнь... А может, это тот самый нерождённый ребенок зудел в ней чувством вины, и она нерастраченную материнскую любовь теперь посвящала маленьким братьям...

Скрипела коляска. Петька басовито ревел, побагровевший, притягивая к ним всё новые осуждающие взгляды, которые кололи Аяну в спину. Она шла, покачивая коляску, и молчала, опутанная тяжёлыми мыслями.

И только Илье было хорошо: тёплый ветер, солнечный свет, сестринские руки...

Мальчишка был по-настоящему счастлив в эти моменты и хотел обнять своими скрюченными руками весь мир.

ГЛАВА 8

Виктория

— Копия СНИЛС, ИНН, ксерокопия паспорта, аттестат... — женщина за письменным столом скучно перелистывала документы. Слова она выговаривала через силу. Аяна, замерев на стуле напротив, молчала и глядела заворожённо, как мелькают белые листы бумаги.

В кабинете было очень душно — лето ползло сквозь распахнутые створки окон невыносимым зноем, жужжанием одиноких мух, тополиным пухом. Аяна чувствовала, как по виску ползёт капля пота — то ли от жары, то ли от страха.

В тесной комнате сидели три практически одинаковых женщины, и напротив каждой сидели практически одинаковые Аяны — одна такая же сгорбленная и взволнованная, другая в круглых запотевших очках, и сама, собственно, Аяна с покрасневшими глазами. Короткие волосы девушка неумело собрала в куцый хвост.

— Всё, — наконец сказала женщина, будто ей физически тяжело было говорить. — Все документы вы подали. Ждите списков из приёмной комиссии.

— Всё? — с недоверием спросила Аяна.

— Всё.

— А сейчас... сейчас нельзя узнать, пройду я или нет?

— Нельзя, — буркнула женщина, но, глянув на вытянувшееся

лицо, покрытое толстым слоем косметики, сжалилась: — Пройдётся, думаю. Главное, чтобы учиться хотела.

— Я хочу, — горячо отозвалась Аяна. — Очень хочу!

Она выскользнула из душного кабинета в коридор, где толпились такие же поступающие — взволнованные и нервные, мнущие в руках папки с документами. Аяна улыбнулась им во весь рот, выдохнула и зашагала по длинному коридору, ведущему напрямик в новую жизнь.

Жизнь, для неё необходимую.

На крыльце было чуть прохладнее; Аяна, нацепившая строгую блузку и узкую чёрную юбку, присела на лавку под берёзами, достала сигареты и закурила, чувствуя, как дрожат пальцы.

Она столько об этом мечтала. Так давно этого ждала. Так отчаянно завидовала Виктории, когда сестра стояла на перроне в окружении сумок и пакетов, целовала братьев и сестёр, а затем умчалась в ту самую новую жизнь. Звонила первое время, много шутила и смеялась, рассказывая, какой город большой и красивый, как она заберёт их всех чуть позже...

Теперь на лавке возле колледжа сидит Аяна, курит вторую сигарету, щурится на солнце и улыбается. Душа её поёт и ликует. Теперь у Аяны есть путёвка в новую жизнь, теперь девушка начнёт учиться, а потом сможет перевезти в город, в новый дом и Петьку, и Лидку, и даже несчастного Илью...

В её доме никто не будет пить. Птичьи трели над головой казались весенней песней.

Новые туфли (дешёвые и с потёками клея на подошве, но новые, только её) немилосердно натёрли ноги, и Аяна захромала. Вышагивая по широким и чистым улицам, она всё пыталась сдерживать рвущуюся улыбку, и прохожие теперь не отводили взгляды от её лица. Смотрели бесстрастно и шли дальше, словно она наконец-то стала нормальным человеком.

Больше Аяна не была старшей дочерью в многодетной семье, где мать славилась беспробудным пьянством. Аяной, которая ходила в поношенных вещах и хлестала Санька по щекам, плакала в полиции и вычёсывала вшей у Лидки... Она медленно превращалась в студентку обычного колледжа в обычном большом городе. Она переедет в общежитие и наконец-то сотрёт с себя отвратительное клеймо.

— Девочка, дай на хлеб, пожалуйста! — у овощного магазина стояла сгорбленная старуха, вытянув вперёд тёмную грубую ладонь. Аяна замерла, выныривая из ликующих мыслей о беззаботном и радостном будущем. Улыбнулась бабушке, выгребла из сумки всю мелочь, что была, и ссыпала в молитвенно протянутую руку.

— Держите, — сказала, накрывая деньги своей ладонью.

— Спасибо, доченька. Счастья тебе, милая. Дай бог здоровья!

— старушка принялась неистово крестить Аяну. Та лишь кивнула, не сказав ни слова.

Ей хотелось сделать что-нибудь доброе: обнять вредного Санька, спеть Лидке колыбельную, как в детстве, накормить Петьку шоколадными конфетами, а Илье нарвать букет цветов, чтобы он наслаждался их мягким запахом целую неделю.

Счастье окрыляло.

Общежитие серело на фоне яркой весны: запылённые матовые окна, выщербленная штука-турка на стенах и заплёванная металлическая дверь, которую Аяна с трудом сдвинула с места. Но даже в серости девушка увидела светлые проблески — долго стояла, запрокинув голову, и понимала, что это место скоро станет её домом. Она будет жить в комнате с парой-тройкой соседок, а не с капризным Петькой и больным Ильёй, будет готовить себе на общей кухне, сидеть над учебниками, пытаться... Пытаться стать человеком.

А сейчас она пришла не домой, нет. Она пришла в гости.

Фойе тонуло в прохладном сумраке. За конторкой, подложив толстый детектив прямо под желтоватый свет лампы, сидела старуха, очень похожая на ту, что просила милостыню у овощного. На плечи консьержка набросила шаль, на носу крепко сидели толстые очки.

— Чем могу помочь? — спокойно и как-то удивительно чётко спросила старуха.

— Я приехала к сестре, — улыбнулась ей Аяна, подтягивая на плече сумку. — Почти шестьсот километров ехала на электричке...

— Поздравляю вас, — ещё более спокойно отозвалась консержка. — Как зовут сестру, какая комната?

— Сестру зовут Виктория Ивановна, а комнату я не знаю, никогда ещё тут не была. Посмотрите, пожалуйста... Я хочу сделать ей сюрприз.

— Посмотрим, отчего не посмотреть...

Комендант подтянула к себе толстую тетрадку, куда были вклеены шуршащие распечатки, и принялась скользить пальцем по именам и фамилиям, выискивая сестру Аяны. Девушка разве что не приплясывала на месте от нетерпения: ей хотелось побыстрее увидеть удивлённую Викторину, крепко обнять её за плечи и прижаться к старшей сестре, которая всегда была надеждой и опорой.

— Я тоже приехала поступать, — не выдержала Аяна. — Буду парикмахером. С сестрой жить буду, у вас.

— Хорошо, — голос старухи, казалось, был лишён малейших эмоций.

Интересно, изменилась ли Виктория? Аяна не видела её уже несколько лет, да и не звонила сестра так долго, что и голос её остался лишь смазанным воспоминанием. В их последнюю встречу на вокзале Виктория была статной, со светлым лицом

и длинными вьющимися волосами. Она всегда была самой-самой в их семье — самой доброй, самой сильной, самой красивой...

Аяна всю жизнь ей завидовала. Но когда сестра уехала, то оказалось вдруг, что всю ответственность за малышню пришлось взвалить на плечи уже самой Аяне — и теперь она со стыдом вспоминала, как по ночам мечтала отрезать длинные волосы Виктории, как завидовала редкой маминой ласке, как хотела оказаться на месте старшей сестры...

На её месте оказалось несладко. Но теперь всё позади. Они снова будут общаться, Виктория по-матерински примется помогать Аяне, а потом, выгучившись, сёстры снимут квартиру, найдут женихов, выйдут замуж и...

— Нет у нас такой, — спокойно сказала консержка и подняла бесцветные глаза на девушку.

Аяна остолбенела.

— Как это нет? Она же у вас живёт, учится на повара, она ведь... Посмотрите ещё раз. Пожалуйста!

— Хорошо, — прохладно согласилась старуха и вновь склонилась над тетрадью. Аяна стояла, не доверяя своим ушам, — как это нет?

А где тогда Виктория?!

Теперь секунды текли медленно и неторопливо, пока сморщенный палец скользил по строчкам. Аяна, закусив губу, ждала, когда консержка воскликнет что-то вроде «А! Нашла!», или «Вот

же она, в другом списке», или ну хоть что-нибудь такое же, объясняющее всё на свете. Это же Виктория, она заменила детям маму, она заботилась о них, она ведь...

— Нет. Виктория Иваненкова у нас не живёт. Это точно. Ничем не могу помочь.

Аяну словно окатили ледяной водой. Она молчала, вцепившись бледными пальцами в подоконник.

— Но как же... А где она тогда?

— Не имею ни малейшего понятия, — отозвалась старуха и вновь открыла свой детектив. — Всего доброго.

Аяна вышла на улицу, и в глаза сразу же ударил слепящий солнечный свет. Берёзовые кроны хихикали насмешливо, а у Аяны в голове царил гулкая пустота. Виктория должна была жить в этом общежитии, вряд ли бы она нашла квартиру или комнату в другом месте...

Присев на лавочку, Аяна снова закурила. Пальцы била мелкая дрожь, глаза слезились от яркого света.

Где же сестра?

Желудок, давно привыкший к голоду, внезапно свело острой болью — Аяна не ела уже больше суток, и надо было сунуть в рот хоть что-нибудь съестное, хоть листву с ехидных берёз. Порывшись в сумке, девушка с досадой вспомнила, что высыпала всю мелочь в старухину ладонь, но потом всё же нашарила измятый

полтинник — хватит и на воду, и на какую-нибудь ватрушку.

Оглядевшись, Аяна заметила маленький продуктовый магазин. В голову липкими слизняками заползали мысли о старшей сестре, мешая думать о чём-то другом. Магазинчик будто вырвали из родного городишка Аяны и насильно впили в огромный современный город — среди толпящихся многоэтажек из стекла и стали магазин с поблёкшей красно-жёлтой вывеской казался чужаком.

Страхнув невесёлые мысли, Аяна толкнула скрипучую дверь, и под потолком переливами зазвенел колокольчик. В дальнем углу магазина громоздились стойки с румяным хлебом, прямо перед глазами застыла витрина с молоком, сыром и колбасами. Аяна прошмыгнула мимо пенсионеров и пожилых женщин с авоськами, подошла к витрине с сосисками в тесте, ватрушками с творогом, расстегаями с капустой...

Выбрала самую недорогую булочку и скользнула в конец очереди, затаилась там, склонив голову. За кассой снова девушка с обесцвеченными волосами, она быстро щёлкала пальцами по калькулятору, упаковывала ливерную колбасу в шуршащие целлофановые пакеты, взвешивала карамель. Сноровисто работала, торопливо улыбалась покупателям, вытирая руки о засаленный тёмно-бордовый передник.

— Бутылку воды, самую маленькую, и булочку за семнадцать

рублей, — попросила Аяна, когда подошла её очередь. Прямо у вёсов стоял картонный ящик с рассыпчатым курабье, и Аяна засмотрелась на сахаристое печенье.

Тишина. Продавщица не побегала за булочкой, просто замерла напротив.

— Милая моя, можно побыстрее? — попросил седоусый старик прямо из-за плеча Аяны.

Аяна подняла глаза, не понимая, что происходит. Узкие туфли впивались в ноги, а глаза всё ещё резало после солнечного света. Привычным жестом Аяна заправила короткую прядь волос за ухо, глянула в лицо продавщице...

И застыла.

Прямо на неё смотрела Виктория.

Время замерло: исчезли и очередь, и булочка за семнадцать рублей, даже голодный желудок притих. Светлые глаза Виктории были густо подведены чёрной лаковой подводкой и сверху докрашены синими тенями.

Протянутая рука, удивлённое лицо.

Виктория.

...Аяна стояла на заднем крыльце магазина и курила, понимая, что за эту короткую поездку скурит все свои запасы и останется вообще без сигарет и без денег, а потом придётся несладко... Но сейчас девушка никак не могла обойтись без табака — сигарета больше не дрожала в руках, а Аяне хотелось, чтобы та билась в истерику, в припадочном танце,

девушке хотелось рыдать, словно маленькой девочке, топтать ногами и кричать, что это всё неправда, неправда...

— Дай сигаретку, — Виктория, усевшись на ящики из-под помидоров, требовательно протянула руку. Сестра отпросилась ненадолго выйти, подцепила Аяну под локоть и увела через задний вход. Они были рядом, но в то же время так далеко друг от друга под этим горячим весенним солнцем, под бескрайним ясным небом. Под очередными ехидными берёзами.

Аяна протянула Виктории пачку. Сердце глухо стучало.

А жизнь Аяны свернула куда-то не туда.

— Как дела? — спросила вдруг Виктория таким тоном, будто они с сестрой встретились спустя пару дней разлуки. Просто спросила, легкомысленно, наивно даже. Но напряжение между сёстрами можно было резать ножом, до такой степени оно стало плотным. Тяжёлое молчание висело в воздухе.

— Нормально, — в тон сестре отозвалась Аяна и затянулась поглубже.

Исподтишка Аяна разглядывала старшую сестру: рахитичные тонкие ноги, обтянутые дешёвыми и выстиранными джинсами; куцый свитер, увезённый из их общей бедной истории. Вика — нет, никак больше Аяна не могла называть её Викторией — отрезала выющиеся волосы, обкромсала неровно до плеч, выкрасила белым (получился рыже-жёлтый

неопрятный цвет, да ещё и корни отросли). Среди желтизны красовались тёмные проплешины. Лицо, опухшее и одутловатое, никаких вопросов у Аяны не вызвало. Практически стёртая с губ ярко-фиолетовая помада, руки с обгрызенными ногтями...

— Как дома? — спросила Вика глухо, пытаясь нарушить тишину.

— Не очень, — честно сказала Аяна. — Санька посадят, наверное. Он украл велосипед, а условка ведь... Я не смогла... В общем, скоро будет суд. Отправят его в колонию для несовершеннолетних. Мамка пьёт. Постоянно. Как всегда. Петька уже учится ходить, разговаривать...

— Я Петьку даже не видела ещё, — как-то мечтательно улыбнулась Вика, и снова Аяна почувствовала огромную пропасть между ними. Мечты рассыпались на глазах — одна комната в общежитии, закипающий в кастрюльке куриный суп на костях, разговоры по душам до рассвета...

Всё это теперь казалось на смешной.

— Петька как Петька. Маленький, ревёт, рыжий. Кормлю его смесью постоянно. Илья всё лежит, руки и ноги не разогнуть...

— А Лида?

— Лидка пыталась покончить с собой, — хлестнула словами Аяна, не желая быть виноватой во всём и сразу, надеясь хотя бы этой резкостью нашарить сожаление в пустой Викиной душе. — Её травят в школе. Потому что толстая.

— Выкабалась?

— Да. Я вытащила.

— Молодец. Ты молодец, Аян... Ты их всех, наверное, после моего отъезда и тащишь...

— Ташу, — с вызовом произнесла Аяна. — А у меня что, выбор был?

Помолчали, думая каждая о своём.

— А как Машенька? — улыбнувшись, спросила вдруг Вика. — Я по Маше больше всех скучаю...

— Машка ещё осенью бросилась под поезд, — слова ударили так сильно, что даже Аяна прикусила язык. Вика отшатнулась, побледнев. — Я говорила потом с ребятами, которые с ней были в тот день. Не друзья, так, одноклассники. Они сказали, что Машка сама прыгнула... Я даже машиниста нашла. Он думает, что это забава у них такая — проверять друг друга на смелость, кто позже отпрыгнет из-под колёс поезда...

— А Машенька, значит, победила? — хрипло спросила Вика.

— Видимо. Не знаю. Видишь, как с твоим отъездом наша жизнь изменилась...

И, не выдержав, присела на ступеньки рядом с сестрой. Соперничества в них не осталось ни на грамм, никакой зависти, никаких идеалов и кумиров. Удивление схлынуло, шок прошёл, и Аяна поняла вдруг, что зря она злится, зря швыряется колкими фразами в лицо, зря стоит над сестрой и глядит на неё сверху вниз.

Выдохнув, Вика положила тёплую ладонь на колено Аяны.

— А ты? Как ты всё это пережила?

— Я залетела, — криво усмехнулась Аяна. — Да, вот такая безмозглая...

— Родила?! — с изумлением спросила Вика, поворачиваясь к сестре.

— Нет, конечно. Что я, дура, что ли? Аборт сделала. Теперь Петьку воспитываю. Как сына.

— Господи...

Вика отвернулась, закрыла лицо руками.

— Так что и после твоего отъезда наша невесёлая семья продолжает выживать. Плохо живём, конечно, но всё-таки живём как-то, заботимся друг о друге. А ты что?..

Вика молчала, отвернувшись.

— Я пришла в общежитие, — продолжила Аяна. Губы её кривились и плясали. — Думала, сделаю тебе сюрприз, заявлюсь такая в гости, ты будешь меня обнимать, радоваться, что я приехала... А тебя нет. Комендант говорит, что таких вообще не знает. Прикинь просто — нормальный поворот?!

Вместо ответа Вика вдруг порывисто и крепко обняла Аяну, схватилась за сестру так, словно отчаяние готово было вот-вот выплеснуться из неё. Они сидели на ступеньках среди деревянных ящичков из-под фруктов и смотанной рулонами упаковки. Аяна прижалась лицом к плечу сестры, закусил губу, ощутив вдруг давно забытое чувство сестринской защиты.

Когда Аяна была не самой старшей. Когда могла плакать и забиваться в угол, а на арену выходила Виктория и решала все проблемы. Когда утешения искали у неё, а не у Аяны.

Она недолго наслаждалась этим миражом. Ощутила внезапно запах немытого тела, терпких духов, бьющих в ноздри, и такой знакомый кислый перегар...

Отстранилась. Отвернулась.

— А я не живу уже в общежитии, — пожалала плечами Вика, натягивая рукава свитера на ладони. На улице было душно, но она всё куталась в этот старый свитер. — Выгнали, когда я из колледжа... Ну, вылетела, короче. Думала, что успею все долги сдать, ночами гуляла с друзьями, развлекалась... Знаешь ведь, я с самого детства за маму была — подмой всех, покорми, сопли вытри...

— Знаю, — отозвалась Аяна.

— Ну вот. А тут приехала в город, и оказалось, что жизнь — она совершенно другая. Это не облезлые четыре стены и ревущие сёстры, братья... Это не бедность. Не мать-алкашка. Можно гулять всю ночь, можно пить в баре, танцевать в кафе, можно влюбиться по-настоящему...

— Знаешь, — перебила Аяна. — Мы раньше думали, что ты из нас — самая умная.

— А видишь, как оказалось, — невесело рассмеялась Вика. — Далекое не самая. Раньше у меня просто не было выбора. А потом он появился. И я решила пожить

для себя: забила на колледж, на пары, на профессию... Думала, к экзаменам всё успею, не выгонят же.

— Выгнали.

— Выгнали, — кивнула Вика, разминая в руках какую-то чахлую травинку. — Отдали документы и отправили на все четыре стороны. А я же ничего не умею...

— Почему домой не вернулась? — Аяне хотелось закричать о том, как тяжело ей было. Как она была тряпкой Санька, укравшего очередной кошелек, а он достал нож и порезал ей руку. Как плохо было, когда Машки не стало... Как ночами выворачивало, когда Петька плакал от голода, а надо было вставать, кормить его... Но Аяна просто спросила. Один вопрос, и больше ничего.

— Почему ты не вернулась?

— А как я могла вернуться? — обречённо сказала Вика. — Я уехала в большой город, такая вся деловая, показала вам, что если очень хочется — можно добиться чего-то большего. Вы же мной гордились... А я... Просрала я всё, Аян.

— Мы бы тебе обрадовались...

— Сначала да. Но потом... У меня было много мыслей. Я хотела вернуться, однажды собрала вещи, приехала на вокзал... Но не смогла. Стыдно. Просто стыдно, что я не справилась, что облажалась. Я хотела приехать... Да к чёрту.

Она сама вытащила из кармана у Аяны сигареты, снова закурила. В глазах мутным облачком застыли слёзы.

— Потом нашла работу здесь, в магазине. Живу тут же, в подсобке — денег на комнату нет. Платят копейки. Работаю с утра до ночи, без выходных. На кой чёрт мне выходные?! Тут бы с голоду не подохнуть... Постриглась, покрасилась. Поменяла себя, в общем. И торгую. А куда деваться? Это только вначале кажется, что ты какая-то особенная, что у тебя-то всё точно будет хорошо. А потом выясняется, что ты такая же жалкая, как и все, и сидеть всю жизнь будешь точно в такой же жопе, как и остальные.

Аяна помолчала, примиряясь с её словами. Ноги пульсировали болью. Она сбросила тугие туфли, пошевелила распухшими пальцами. Не помогло.

Выдавила из себя:

— Машка всё ждала, когда ты доучишься, снимешь квартиру и перевезёшь всех к себе. Помнишь, ты им обещала?

— Правда? — в голосе сестры даже не скользнуло удивление, лишь сплошная обречённость. — Да уж... Видишь, наобещала мелким. Как я могла вернуться без профессии, без работы, без денег? Да никак не могла. Не вывезла. Не стала лучшим поваром в городе. Не сняла квартиру. Работаю в магазине, живу тут же, сплю со всяким сбродом...

— Пью, — продолжила Аяна глухо.

— Пью, — не стала скрывать Вика и вдруг расхохоталась прямо в высокое небо. Аяна отпрянула, вздрогнув от испуга, — смех

вышел каркающий, резкий, полный тоски. — Всю жизнь клялась, что ни капли в рот... А потом стало так тошно, так больно...

— А клубы, бары? Не оттуда всё пошло?

— Это другое. Там пьёшь немного, чтобы мир казался ярче, веселее и проще... Выпил и забыл. А вот когда начинаешь пить от отчаяния... Там да. Жажда. Глотку дерёт, как хочется выпить. Злишься, кричишь. Только бы пить... Забываешься ненадолго. И всё по кругу.

Аяна не знала, что сказать в ответ.

— Видимо, от мамки мне всё-таки передалась эта зараза... Я и сама не поняла, когда это началось. Но ты не думай, я не алкашка какая-нибудь. Это сейчас плохо, черно всё. Я восстановилась в колледже к следующему году. Окончу его, найду нормальную работу. Сразу брошу. У меня нет зависимости.

— Где-то я это уже слышала, — пробормотала Аяна.

— Нет, — твёрдо сказала Вика, и глаза её потемнели. — Я не алкашка! Я знаю, что говорю. Всё под контролем. В общем, я брошу. Обещаю.

У Аяны просто не было слов, она сидела, скрючившись, будто её ударили по голове пыльным мешком, и сейчас вокруг кружится эта серая пыль, а внутри лишь пустота.

— И теперь мне кажется, что я стала больше понимать маму, чем

всех вас, — продолжала Вика. — Детство ушло в такое далёкое прошлое, словно это лишь сон, будто этого и не было со мной. А вот мама... Я её понимаю, Аян. И это пугает больше всего.

— Вика, твою мать! Ты долго ещё?! — выглянула из магазина какая-то женщина. — Я тоже курить хочу!

— Да подожди ты хоть минуту! — заорала Вика, и голос её показался совсем чужим. — Дай с сестрой побазарить, она издалека приехала!

Дверь обиженно захлопнулась.

— Ну, а сама какими судьбами? Поступать приехала?

— Ага, — пробормотала Аяна. — Приехала вот...

Потом они вернулись в магазин, и Викина напарница, фырча и недовольно косясь на девушек, убежала за дверь, торопливо вынимая из кармана сигареты. Аяна почти с отвращением узнала себя в этом жесте — дрожащие пальцы, иссушённые губы, суетливые движения... Когда заканчивались уроки, Аяна выбегала во двор своей первой, торопливо доставая свою капельку отравы.

Вика встала за прилавок, а Аяна села в уголке, искаса наблюдая за сестрой. Оттуда, снизу, Вика вновь казалась большой, но уже не чудилась сильной: худая, лицо исчертили первые морщинки. Алкогольная зависимость... Даже продукты из рук у сестры брали с опаской, с

какой-то брезгливой осторожностью, а она, сунув деньги в кассу, даже не замечала этого. Двигалась, словно на автопилоте.

Аяна просидела весь день вот так, то подавая Вике молоко или малиновое варенье, то выходя на крыльцо. Сигареты кончились, и Аяна просто стояла, схватившись руками за перила, глядела перед собой на чужой город.

После обеда в магазине воцарилась напряжённая тишина — Вика развешивала по мешочкам печенье, сгребала его голыми руками, плюхала пакет на весы, выстукивала комбинацию. Аппарат торопливо выплёвывал наклейку с ценой, словно и ему противно было Викино прикосновение. От сестры даже пахло скверно — горечью, кислинкой и... одиночеством.

— На самом деле это нетрудно, — говорила Вика, только бы сказать хоть что-то, и крепила очередную наклейку. — Если бы я знала, что всё так просто, ещё дома пошла бы работать в магазин. Нужен он, собственно, этот колледж?

— А как же профессия? — глухо спрашивала Аяна, сидящая неподдельно. По босым ногам дуло сквозняком из дверей.

— На кой она нужна, профессия-то? Считай нормально и разгрузай продукты, вот и всё. Спина, правда, болит иногда, зараза. Но жить можно.

— А стоит ли? — одними губами спросила Аяна.

Сестра не услышала, не заметила этой фразы и дальше продолжала завязывать мешочки, бросать их в большой пластиковый таз.

Вику отпустили пораньше — она долго разговаривала с кем-то по мобильному, вскрикнула даже пару раз в ярости, напомнила, что живёт на этой чёртовой работе, и отпросилась на пару часов раньше. День за окнами только-только начал припудриваться вечерним светом, когда они вышли вдвоём, ни капли не похожие друг на друга сёстры, и неспешно побрели вперёд. Туфли Аяна оставила в магазине, переобулась в потрёпанные кроссовки сестры.

— Мелкие часто обо мне вспоминают? — спросила Вика, оглябая кривую лужу на дороге.

— Не очень, — честно ответила Аяна. — Некогда, по правде говоря. Постоянно у кого-то проблемы, постоянно что-то надо делать... Да и общаемся мы мало.

— Это зря. Надо общаться. Знаешь, ничего главнее этого нет — если бы я постоянно с малышами не разговаривала, не выслушивала бы их глупые капризы и наивные мечты... Они бы мне не верили. Не приходили бы со своей бедой.

— Что-то я не помню, чтобы ты с ними общалась после отъезда, — ядовито брякнула Аяна, ещё баюкая внутри горькую обиду. Головой девушка понимала, что это глупо и бесполезно, но поделаться

ничего не могла. — Прости. Я не должна так...

Вика не ответила.

Шли дальше — проплывали мимо жмущиеся друг к другу домики, между ними вклинивались высотные здания и серые панельки, повсюду была щедро развешана аляповатая безвкусная реклама. Остановившись возле кованого забора, Аяна присела — сорвала несколько сочных одуванчиков, которые вот-вот должны были от желтизны перейти к белоснежному пуху. Одуванчики в пальцах смотрелись приветом из беззаботного детства.

Остановились сёстры у небольшого ларька; Вика нагнулась к окошечку и что-то тихо попросила. Потом оглянулась на Аяну:

— Купить тебе чего-нибудь?

— Сигарет, — попросила та, сминая в ладонях одуванчики. — И поесть чего-нибудь.

— Поесть и сигареты, — передала Вика в окошко.

Они сели в парке прямо на траве — зелёные былинки приятно щекотали голые ноги, в тени деревьев пахло застоявшейся озёрной водой. Аяна, разгладив безнадежно испачканную юбку, достала из пакета пирожки с капустой и жадно кусала маслянистое тесто...

В Викиных руках оказалась бутылка водки — холодная и прозрачная. Одноразовые стаканчики, немного сушёных кальмаров, буханка чёрного хлеба. Мимо пробежали дети — мальчик и девочка

лет пяти, они играли в догонялки и беззаботно хохотали. Проплыли женщины с колясками, глянули на сестёр с привычным для Аяны осуждением, но смолчали.

Проглотив пирожок, Аяна взяла горсть кальмаров, попробовала. Вкус был непривычным, почти незнакомым.

— На кого поступаешь? — спросила Вика, откупоривая бутылку.

— На парикмахера, — отозвалась Аяна. — Или повара. Куда возьмут, короче. Выбор не особый.

— Понятно.

Разлили по стаканам, выпили. Водка горячей волной обожгла нутро. Вика довольно зажмурилась, занюхивая рукавом. Лицо её сразу же расслабилось, расправило морщинки, и из девушки на миг вдруг выглянула та самая Виктория, по которой Аяна долго скучала.

— За Машку, — предложила следом Вика, и они снова выпили, не чокаясь.

Мир помутнел — Аяна выдохнула с облегчением и откинулась на спину, подняла глаза на высотный дом. Подумала вдруг, что когда-нибудь станет в таком доме жить. Что у неё будет муж, родятся дети.

Будет всё, чего себя лишила Вика.

Сестра снова налила. Она отчаянно хотела забыться, ей было стыдно за эту встречу, за неумываемое лицо, за паршивую работу, за

то, что её выперли из колледжа... Она привычно глушила стыд водкой.

Аяна пила вместе с ней. Быть может, это был последний отчаянный жест из детства — делать хоть что-то вместе с недостижимой Викторией. Аяна понимала, что как только поступит в колледж, как только сдаст первую сессию и шагнёт вперёд, пропасть между ними станет непреодолимой. Теперь Аяна будет умнее, старше и взрослее. А Вика продолжит хлестать водку в парке, возвращаясь ночевать в подсобку магазина. Пропась росла, ширилась. Зияла. Аяне страшно было туда заглядывать.

— Знаешь, что я хотела тебе сказать? Всегда хотела, честно прям, — с трудом выговорила Вика, когда на парк опустились первые сумерки. Воздух налился прохладой, небо сгустило краски. Пустая бутылка прилегла рядом со второй в ногах у сестёр.

— Что? — спросила Аяна. Она лежала на спине, подложив ладони под голову, и смотрела, как ветерок играет с листвой.

— Думай о себе. Я всё... Всё детство вас воспитывала, думала обо всём. Не о себе. А потом не выдержала, когда... О себе стала думать.

— И?

— Думай. Сейчас про себя думай. Они тебя тянут на дно. Меня утянули.

— Э! Ты сама себя утянула. Уехала.

— Нет. Если бы раньше... Я бы... Насрать! — Вика подтянула к себе водку, попыталась высосать оттуда хоть каплю, но в итоге, разозлившись, отшвырнула бутылку в сторону. — Я всегда думала о вас. На себя — плевать! Нельзя так. Думай о себе.

— Я думаю.

— Ни черта ты не думаешь! Ты ими живёшь. Ими дышишь. Поступаешь ради них. Нет! Нельзя так. Посмотри на меня, в кого я...

Вика часто-часто заморгала ресницами. Мимо снова промчались дети — приблизились весёлые голоса и сразу же умчались прочь, в будущее, становясь всё тише и тише, пока не пропали совсем. Аяна молчала, пожёвывая травинку.

— Я поступаю для себя. Своей жизни.

— Во! Правильно. Так и надо, Аян... Выйди из дома, хлопни дверью и забудь! И выкарабкаешься.

— Они вот как без меня? — тихим шёпотом спросила Аяна и ощутила вдруг, как неприятное чувство ответственности стягивает голову тугим обручем.

Это страх — вязкий, удушающий и липкий. Да, Аяна будет учиться, но как будут жить они, сестра и братья? Кто будет кормить Петьку, учить его ходить и говорить? Кто станет менять зловонные подгузники Илье? Кто возьмёт на себя роль Лидкиной жилетки, когда она в очередной раз отчаётся и поверит в то, что

одинокчество — её крест, а люди вокруг — сплошь уроды?

Кто будет с Саньком? Он самый грубый, самый злой и невыносимый. Но и ему нужна поддержка. Раньше его направляла Виктория.

Теперь он останется совсем один.

Вика склонила бледное лицо над сестрой, и в её пьяных глазах скользнула точно такая же неуютная трезвость. Рыже-жёлтые волосы свесились на глаза.

— Не думай о них, — прошептала сестра. — Они выкарабкаются, они привыкли. Думай о себе. Закрой дверь и живи своей жизнью. СВОЕЙ. У нас есть это право. Я поздно поняла.

Лицо исчезло, словно и не было его.

— Возвращайся, — попросила Аяна. — Я поеду учиться, ты будешь маме помогать... Лидка обрадуется, да и Саньку нужна твоя помощь. С Петькой познакомишься — он чудо...

— Нет, — каркнула вороной Вика. — Нет, это прошлое. Я не смогла, но сейчас... Понимаешь, я всё пытаюсь эту дверь закрыть. Не вернусь туда, откуда всю жизнь хотела сбежать. Я теперь сама по себе... А ты послушай. И подумай.

Аяна молчала. Страх опутал её липкой паутиной.

Замолчав, Вика уснула прямо в парке — растянулась, подложив руку под голову, и засопела беспечно, словно ребёнок. Аяне захотелось укрыть её одеялом — на

миг девушка вспомнила о родных и ощутила острый укол тоски. Когда Аяна бывала дома, она часто ненавидела и ободранные стены детской, и братьев, и сестёр, когда жива была ещё Машка... Порой до воя в груди, до скрежета зубов. Шла в мороз на улицу, только бы побыть одной, без них. А уехала поступать — и, надо же, сразу заскучала. Тревожилась, покормили ли Петьку, не устроила ли мать очередную гулянку. Скоро суд у Санька...

Фыркнув во сне, Вика нахмурилась. Поддавшись порыву, Аяна легла рядом и прижалась грудью к сестре, обняла её. Плечи миглом затекли, наливаясь тупой болью, а нос защекотали обесцвеченные короткие волосы.

Аяна закрыла глаза. Выдохнула.

И уснула прямо под голым беззащитным небом.

Прижимаясь к старшей сестре.

ГЛАВА 9

Семья

Пылинки кружились в солнечном свете, оседая на ободранные стены детской комнаты. Илья, скрючившийся на диване, ловил сияющую пыль тонкой рукой.

Аяна, усевшись сверху на чешуеобразный диван, в очередной раз подпрыгнула, сминая вещи, пытаясь справиться с молнией, — та скрипела и визжала, но не сдавалась. Переполненная сумка тяжело охала под напором Аяны.

На груди у девушки качнулся уродливый кулончик — лупоглазая ободранная птичка на ветке. Губы Аяна выкрасила тёмным — детский жест, совершенно ненужный и глупый. Но... Но он сейчас ей был необходим.

Прощай, Машка.

Аяна наконец-то закрыла свой единственный чемодан, и он сиротливо остался лежать на полу.

Один чемодан. Вся её глупая жизнь поместилась в один-единственный чемодан, туго набитый всяким хламом. Половину этого хлама Аяна задвинет в общежитии в самый дальний угол и забудет о нём на долгие годы. Она сама себе не хотела признаваться, что взяла всё это барахло просто, чтобы сумка не была такой пустой.

Столько лет, столько воспоминаний... И пустая сумка.

Лидка плакала — сидела рядом с Ильёй, забравшись с ногами на диван, и утирала ладонями слёзы. Лидка всё ещё помнила, как уезжала Виктория и как потом сестра пропала, будто её и не было в этой квартире.

Когда Аяна вернулась из большого города, первое, о чём они спросили, было:

— Как там Виктория?

— Нормально, — сказала Аяна, сбрасывая в коридоре невыносимо тугие туфли. — Учится. Подрабатывает в магазине. Просила всех поцеловать.

Санёк фыркнул и умчался пинать мяч. Счастливый Петька, словно преданный пёс, облизывал Аяне руки.

С тех пор утекло немного воды — Петя теперь с трудом, но всё-таки ходил, качаясь и держась за стенку. Лидкины руки окончательно зажили, на них остались лишь светлые выпуклые рубцы. Санёк стал ещё более колючим и нахальным: пропадал ночами, пару раз приходил пьяным. Аяна кричала, хлестала его полотенцем, и они дрались, сцепившись, как две кошки.

Мама пила. Здесь всё было как обычно.

Аяна поступила на парикмахера. Пришла пора собирать вещи, покупать билеты, договариваться по поводу общежития.

— У вас есть родственники в городе? — спрашивала по телефону какая-то «ледяная тётка», как её окрестила Аяна за невыносимо бесстрастный голос. Будто с компьютером разговариваешь.

Есть ли родственники? Аяна вспомнила парк, пустые бутылки из-под водки, глаза в чёрном ободке... Прижала кулак к низу живота.

— Нет. Никого у меня в городе нет.

Ей выделили комнату — три соседки, один шкаф на всех, панцирные кровати и старые тумбочки. Аяна никак не могла поверить, что можно будет спать целую ночь, не поднимаясь, чтобы покормить Петьку, что не нужно теперь вытаскивать Саньку из полиции, не надо запихивать в коляску скрюченные ноги Ильи...

Чувство ответственности вместе с виной выступили единым

фронтом, но Аяна запиховала их поглубже, не слушая. Зачем ей оставаться в маленьком городе? В десятый класс она не пойдёт, на родственников надежды нет. Надо или распрощаться с мечтой о профессии и идти работать то ли дворником, то ли продавщицей, или заставить внутренний голос умолкнуть, поцеловать Лидку в лоб и уехать в новую жизнь.

Бледно-оранжевые билеты на поезд Аяна засунула глубоко в карман. Сумка с её скудными пожитками не сильно оттягивала руки.

Тащить детей на себе было гораздо тяжелее.

— Звони, пожалуйста, — просила Лидка, у которой стараниями Санька появился чей-то телефон. Сейчас, сидя на кровати в колючих махровых носках, Лидка сжимала этот телефон во влажной ладони.

— Буду звонить, — обещала Аяна, не глядя сестре в глаза.

— Ты говоришь, как Викторья, — бормотала Лидка, по-детски оттопыривая губу.

— Я не Викторья, — обрубала Аяна. Глаза её темнели, а прыщи на лице пунцовели даже под слоями пудры. — Сказала же, что буду звонить. Значит, буду.

— Хорошо...

Аяна бродила по квартире, не зная, чем скоротать время до поезда, — снова почистила зубы, взглянула в холодильник на оставленные кастрюли с гречкой и перловым супом, зашла к матери. Мать, ещё не проснувшаяся

после вчерашних проводов любимой дочери, храпела, запрокинув голову.

Санёк играл в футбол на улице. Петька, усевшись на полу, катал в руках Аянины духи; она подарила их Лидке, но у мелкого мало кто решался отбирать свои вещи. Перед отъездом Аяне очень захотелось оставить дома свой запах — то и дело Петька нажимал на колпачок, и в воздухе повисало облачко горьковатых духов. Аяна знала, что Лидка надушит этими духами подушку и по ночам, когда будет особенно тоскливо, сестра станет цепляться за наволочку, как за свет призрачного маяка. Надеяться, что это объятия Аяны, а не подушка, мокрая от слёз...

— Хватит баловаться, — сурово сказала Лидка, отбирая у брата полупустой флакончик. В комнате от удушающего запаха и правда уже резало глаза, но в тоне младшей сестры Аяна вдруг услышала свои нотки, и на смену удивлению пришла гордость.

Петька заревел обиженно, потянулся руками к Аяне. Та, отвернувшись, не подошла, не утешила, не поцеловала в лоб. Пусть он привыкает.

Аяна всё ещё металась, хотя аттестат уже был в колледже, она заняла кровать в общежитии, купила билеты, деньги на которые пришлось просить в школе. Помогла психолог, которая теперь часто общалась с Лидкой, — пришла однажды вечером, простуженная, пряча за бледной маской

обветренные губы, сунула девчонке деньги и ушла, не попрощавшись.

Аяна запомнила только эти глаза над белой маской — в них угольками тлело что-то такое, за что Аяне хотелось крепко держаться руками в своей новой жизни. Верить, что среди людей вокруг есть кто-то, кто придёт к тебе на помощь. Чуть позже, на вокзале Аяна сунула в окошечко деньги и паспорт, взгляделась в незнакомое лицо там, за бронированным стеклом. В зале ожидания было пустынно. Железные скамейки казались осиротевшими скелетами.

— Когда и куда поедете? — привычно спросила женщина за стеклом.

«В новую жизнь», — так отчаянно хотелось ответить Аяне. Но она лишь сухо назвала город и дату, сунула в металлический ящик деньги, а потом забрала оттуда билеты. Вышла с вокзала и долго курила, облокотившись на перила. К первому и единственному пути на вокзал прибыл грохочущий состав, из вагонов потянулись люди с чемоданами, сумками и баулами. Аяна смотрела, пытается представить себя на их месте.

И никак не могла.

Пора. Время пришло. Аяна, присевшая на дорожку, поднялась, растирая холодные ладони, и почувствовала на миг, как страх вот-вот одержит над ней победу. Сумка врезалась в плечо тупой болью. Лидка, сидящая рядом, но не решающаяся обнять старшую

сестру, вскочила следом — слёзы на её щеках высохли, только глаза оставались красными. Петька уполз куда-то на кухню, громыхал там кастрюлями, чашками...

Аяна вышла в коридор, взяла с крючка ветровку, накинула её на плечи с преувеличенной медлительностью, будто хотела задержаться здесь ещё ненадолго. Опостылевшая квартира сейчас впервые казалась родным домом. Да, тут бывало несладко. Да, порой от голода сводило желудок, от страха сердце едва стучало в груди, от отчаяния хотелось выть в окно.

Но это дом. Дома мама, какая бы она ни была, — она мама, она главный и самый-самый любимый человек в жизни. Аяна часто думала про детский дом — не для себя, так для младших, что там им будет лучше, чище, теплее, что там еда и опека, что там у них появится шанс хоть на какое-то будущее... Но тут была мама.

Мама. И всё тут.

В полумраке коридора тусклая лампочка тенями расписывала бледные лица. Аяна долго смотрела на себя в зеркало. Она изменилась за последнее время — что-то иное поселилось в глазах, и даже в этих маленьких изменениях Аяна видела надежду на то, что в будущем всё окажется не так плохо, как было в прошлом.

Чёрные волосы до плеч — последнее, что осталось у неё от нерождённого сына. Он часто снился ей, пухлощёкий мальчишка, улыбающийся, тёплый... Она просыпалась вся в липком поту.

И сейчас ещё просыпается.

Но это в прошлом — Аяна надеялась, что, уехав, она сможет оставить позади и бесполезные отношения, и всю внутреннюю боль, и страхи. Новая жизнь — новая Аяна. Она подумывала побриться наголо, оставляя старую жизнь за порогом, но быстро поняла, как глупо это будет выглядеть.

Вернулся с улицы Санёк — потный и взлохмаченный, он зашвырнул мяч в угол и умчался в ванную смывать летнюю пыль. Аяна, не разуваясь, вернулась в детскую, прикрыла за собой дверь и присела на продавленный диван, который с детства был её колыбелью.

Положила длинные ладони на скрюченные ноги Ильи. То тут, то там на ногах пробивались редкие и светлые волоски — Аяна гладила худые ноги, закусив губу, смотрела в пустое и сморщенное лицо брата. Прощалась с ним. Она заботилась об Илье, казалось, всю жизнь. Памперсы, старая коляска, веточка с зелёной листвой, еловые иглы в ладони... Она сильно его любила.

Глаза наполнились слезами, но Аяна не позволила им потечь по щекам — замерла, запрокинув голову, глубоко задышала носом. Илья смотрел на неё удивлённо, кряхтел что-то на своём языке.

— Пока, Илюшка, — сказала она, беря в руки его хрупкую ладошку и целуя синевагу, как у курёнка, кожу. — Я буду приезжать. Я... я тебя люблю.

Он не ответил, только сжал её руку, будто всё понял.

В коридоре толпились — вся семья собралась провожать Аяну в колледж. На вокзал они решили не ездить: скрюченный Илья, маленький Петька, взрывной Санька и нетрезвая мама были слишком странной компанией, чтобы вот так вот выйти на улицу всем вместе и махать поезду вслед плавающим.

Аяна остановилась в дверном проёме, глядя на них, ругающихся даже в такую минуту. Шипела что-то недовольно Лидка, глядя исподлобья на мокрого и растрёпанного Саньку. У двери стояла мама.

Мама.

Аяна молчала, глядя на мать. Та, проснувшись, и не прикоснулась к стакану — видимо, что-то в её голове ещё способно было совладать с дикой жадной выпивки, и теперь мама, пусть опухшая и с фингалом под глазом, была трезвой. Она вымыла голову и собрала волосы в хвост, кажется, даже коснулась тушью ресниц, пытаясь сотворить из этого момента праздник. На руках её, тесно прижавшись, сидел довольный Петька.

Аяне не верилось, что мама вышла её провожать. Девушка думала, что уедет на вокзал прямо так — попрощается с Ильёй, поцелует Петьку, обнимет Лидку и уже во дворе помашет Саньку рукой... Мама, как всегда, останется где-то там, вдалеке — полужабытый детский образ, в котором и ласка, и любовь, и тепло...

— Ну что, — произнесла Аяна, и они все разом замолчали. — Давайте прощаться...

Лидка шагнула первой — Аяна широко распахнула руки, заключила сестрёнку в объятия, зная, как нелегко ей даётся всё в жизни. Лидка замерла в руках сестры, щекой прижалась к груди Аяны. Старшая сестра не сомневалась даже, что Лидка запоминает этот миг каждой клеточкой, — полные плечи её кольхались, как желе, но сестра не плакала.

— Лидка, — Аяна чуть отстранила сестру, заглянула ей прямо в глаза. — Лидия. Никого не слушай. Ты не толстая, ты не уродливая, у тебя внутри есть свет. Береги его. Теперь ты старшая сестра. Береги братьев, они такие беспомощные...

— Э, — высказался Санька, но в его голосе не было обиды.

— Ты справишься. Рано или поздно мы всё-таки переедем в большой город и будем жить совершенно по-другому. Заканчивай школу. Я буду ждать тебя там, поступишь в колледж... Лидка...

Аяна замолкла, глядя во влажные и доверчивые глаза сестры.

— Я тебя люблю, — слова сорвались с губ легко и свободно. Прижав толстощёкую Лидку к себе ещё раз, Аяна скользнула к нахохленному Саньку.

— Никаких нежностей, — он выставил вперёд ладонь, предупреждая. — Или в бубен дам.

— Хорошо, — Аяна рассмеялась и протянула ему руку. Он с

некоторой опаской пожал ладонь сестры. — Сашка, ты главный мужчина в доме. Не забывай, что ты всем нужен.

— Я скоро в колонию уеду. Подождёт семья, — он сказал это легко, наплевательски, но Аяна видела, как шевельнулся внутри чёрный страх.

— Я помню про суд. Я надеюсь, всё будет по-другому... Ты всегда говорил, что я тебе не мать, и учить я тебя не могу. Ты прав. Но всё-таки посоветую: возьми за голову, и из тебя выйдет толк.

— Хватит выпендриваться, — он фыркнул, отворачиваясь. — И без тебя разберусь.

— Санька, я тебя люблю.

Он резко обернулся, словно она его ударила. Щёки запунцовели, пошли пятнами... Он дёрнулся, вырывая ладонь из её руки, нахмурился, не глядя на Аяну. Она тепло погладила его по голове — он вывернулся из-под ласкового прикосновения.

Санька никогда бы не смог признать своей слабости. Не умел он открываться даже матери, даже родной сестре. Но слова о любви... Их ему не говорили. И сейчас, сказанные во всеуслышание, сказанные искренне и честно, они пробили броню и заставили его душу кровоточить.

Из рук матери Аяна взяла маленького Петьку, прижала его к себе, юркого и улыбочивого, поцеловала куда-то в висок, прижалась губами к щеке... Петька. Она кормила его смесями, купала в ванной, едва не утопив

однажды, гуляла с ним ранней весной и поздней осенью, мазала разбитые губы зелёнкой, боролась укропной водой с ноющим животиком... Именно она, Аяна, стала ему матерью.

А он стал её нерождённым сыном.

Ей ничего не хотелось думать, ничего не хотелось говорить; она держала мальчишку на руках, чувствуя, как он пророс в неё, залёг корнями глубоко в душе. Забавный мальчик, который всё ещё не говорил. Весёлый и крохотный Петька, рыжее солнышко.

— Люблю тебя, — прошептала Аяна так тихо, будто слова вырвались из самой души, а не соскользнули с губ.

Они стояли вдвоём бесконечно долго. Петьке стало скучно, и он принялся хныкать, капризничать, выворачиваться, не понимая, что Аяна вот-вот исчезнет из его жизни. Из рук Аяны, дрожащих и не желающих отпускать, брата забрала Лидка.

Осталась только мама.

Она стояла, улыбаясь светло и осмысленно, глядя, как они, её дети, прощаются в узком коридоре. Аяне не хотелось говорить матери слова благодарности за жизнь, не хотелось припоминать плохого или пытаться воскресить в памяти хоть что-то хорошее — слишком сильной была обида. Она зарастёт потом, но сейчас ещё больно.

Они обнялись неловко, Аяна потёрлась щекой о мамино плечо. Помолчала, вспомнив то время,

когда маленькая Аянка была маминкой восточной красавицей и солнечным лучиком.

— Удачи, дочка. Я тобой горжусь, — сказала мама негромко.

— Я... я и тебя люблю, — полужадушенно ответила Аяна и, не выдержав, всё-таки расплакалась.

Утирая глаза, она подхватила сумку, послала Петьке воздушный поцелуй и, улыбнувшись натянуто, схватилась за дверную ручку. Ноги застыли на пороге.

— Берегите друг друга, пожалуйста, — на прощание шепнула Аяна, выскользнула в коридор и захлопнула за собой дверь.

На этом её история вместе с семьёй и закончилась — путь в город, в новую жизнь, первые знакомства в колледже, пересдачи, вечеринки, сигареты в пенале... Аяна прислонилась спиной к стене подъезда, зажмурилась, не в силах сделать и шага вперёд, нажать на кнопку домофона и выйти туда, в обжигающий свет.

В лето. В беспечную молодость, в студенчество, в радость и веселье.

Справятся ли они? Что будет с мамой? Как Лидка позаботится о маленьком Петьке и больном Илье?

Лидка едва могла тащить на плечах свою собственную жизнь. Изрезанные руки и складки жира, скрытые под растянутыми кофтами, наивность и простота. Разве она выдержит? От шага с крыши её отделяет пара обидных фраз или очередной запой матери, помноженный на одиночество.

Санька упекут в колонию, это как пить дать. Ничего хорошего из него уже не вырастет — он выйдет, научившись жить по иным понятиям, и вскоре загремит на полный срок. Убьёт кого-нибудь. Или ограбит.

Или и то, и другое вместе.

Аяна уже видела это в Сашке, чувствовала душой.

Илья загноётся без ухода: пролежни, инфекции, сопревшие грязные памперсы... Он превратится в то самое высохшее дерево, скрючится и растворится, исчезнет из их жизни.

Петька... Он только-только начал ходить, всё ещё не говорит и не понимает, только чувствует. Лидка не сможет дать ему даже того, что давала Аяна, и Петькина судьба тоже будет предрешена.

Аяна стояла, чувствуя загривком затхлую прохладу подъезда.

Они справятся. Они выживут. Голос в голове подозрительно напыминал Викины нотки.

Думай о себе.

О своей жизни.

У тебя есть выбор.

Ты имеешь право жить своей жизнью.

Аяна получит профессию — получит без сомнения, зубами вырвет своё. Устроится в какой-нибудь салон, начнёт хорошо зарабатывать, снимет однокомнатную чистую квартирку где-нибудь на окраине города, по воскресеньям будет ходить в супермаркет, покупать селёдку в сырном соусе и булочки с мёдом. Познакомится

в парке с хорошим парнем — он поведёт её на свидание в кафе, потом подарит букет ромашек, они будут гулять ночами по пустым улицам и смеяться...

Она выйдет за него замуж. Они заведут белоснежного кота.

Если Аяна захочет, она даже сможет забрать в город и Петьку, и Илью. Будет им помогать и сейчас, пока учится, — отправлять домой какую-то часть со стипендии. Примется собирать посылки Саньке на зону. Поможет Лидке поступить в колледж, подыщет работу...

Станет писать маме письма.

Она сможет. Она справится.

Они справятся.

Душа рвалась назад, в квартиру, пропахшую потом, перегаром и отчаянием. Быть может, Аяна сейчас подзаработает немного денег — станет, как Вика, продавщицей, только алкоголь под запретом. Уговорит маму закодироваться. Будет сидеть в зале суда, пока Санька, скрипя зубами, выслушает обвинительный приговор. Поможет Петьке — первые годы для мальчишки самые главные, она просто не может сейчас уехать и бросить его, только-только ведь начало получаться... Выучит Лидку, как обращаться с детьми, как ухаживать за Ильёй.

Аяна давно хотела это сделать, да всё как-то не было то времени, то сил, то желания. Сейчас у них будет целый год. Аяна подготовит почву и уйдёт, зная, что они наверняка выдержат.

Оттянет неизбежное. Ей надо уйти, и если она не уйдёт сейчас, то останется там навеки, пленницей пропитой квартиры. На следующий год найдутся новые причины не уходить: она привыкнет к магазину, младшим всегда будет нужна её помощь, и Аяна останется здесь навечно. Нельзя.

Надо думать о себе, о своём будущем.

А может, ей судьбой и предначертано быть здесь, направлять их, младших, чего не смогла сделать Вика? Парикмахер — это хорошо, конечно, но может, ей и нужно всегда быть лишь сестрой, не замахиваясь на звёзды, на высокую зарплату и отдельную квартиру. Она ведь правда их любит, ей тяжело, ей невыносимо будет без них... Быть может, в этом и есть смысл жизни Аяны — ругаться, воспитывать и помогать? Она ведь нужна им, как воздух.

Что, если они задохнутся?

Нет. Думай о себе. Они утянут на дно. Ты не обязана быть для них вечным спасением.

Есть жизнь помимо заплёванной квартиры. Есть жизнь помимо бедности и смерти. Викин голос будто дробился о стены убогого подъезда.

Не выдержав, Аяна кинулась вперёд, не давая себе времени на раздумья.

Подбежала к холодной двери, нажала на кнопку. В глаза ударил яркий свет.

Страх внутри умер, отступил, признавая за Аяной право выбора. Она зажмурилась от света, сделала шаг вперёд...

В новую жизнь.

ЭПИЛОГ

Дверь ей открыл Санёк — ухмыльнулся от уха до уха, заметил ядовито:

— Я так и знал, что ты никуда не уедешь. Слабачка.

— Заткнись, — посоветовала Аяна и улыбнулась ему в ответ.

Шагнула обратно в квартиру, сбрасывая сумку с плеча.

Дверь за ней закрылась с мягким щелчком.